

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ „ЛОШАДЬ“ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Л. АРОНАЙТЕ

В настоящей статье делается попытка провести лексико-семантический анализ группы слов со значением „лошадь“ в русском и белорусском языках.

Материалом для наблюдений послужили печатные тексты Московского перевода-редакции Литовского Статута¹ и Литовский Статут 1588 года², а также разного рода словари и другие источники³. Цель статьи — выявить своеобразие терминологизации слов, называющих лошадей, в двух близкородственных языках.

В лексико-семантическую группу слов, объединенных по чисто номинативной стороне значением „лошадь“, по данным МПРЛС, включается 7 слов: *конь*, *лошадь*, *жеребецъ*, *жеребенокъ*, *меринъ*, *кобыла* и *кобылица*.

Конь. Происхождение этого слова неясно. М. Фасмер (2,216)⁴ и Н. М. Шанский (248) считают его общеславянским, образованным от древнего *ковнь*. В русской письменности *конь* впервые зафиксировано в конце XI в. (Срезн., I, 1271). По мнению О. Н. Трубачева⁵, слово *конь* возникло наряду со словом *кобыла* как дифференцированное название вместо безразличного в половом отношении термина *ekъos*. Привлеченные к исследованию словари позволяют проследить эту дифференциацию в начале XVII в.: в словаре Ричарда Джемса (63) *конь* трактуется как „мерин“. Кроме того, слово *конь* на протяжении столетий выступает в качестве общего названия животного, ср.: *конь* — „лошадь“ (Словарь 1763 г.). Закрепление за словом *конь* в прошлом особой номи-

¹ И. И. Лаппо. Литовский Статут в Московском переводе-редакции. Юрьев, 1916.

В статье используются название и сокращение МПРЛС, принятые в работах Л. Судавичене. См.: Л. Судавичене. Из истории некоторых слов в связи с вопросом о хронологии Литовского Статута в Московском переводе-редакции XVII в. Ученые записки высш. уч. зав. Лит. ССР, т. XII. Языкознание. Вильнюс, 1965 г. и др. работы.

² И. И. Лаппо. Литовский Статут 1588 года, т. 2 (текст). Каунас, 1938 (сокращ.: ЛС).

³ См. список сокращений.

⁴ В скобках указываются том и страница.

⁵ О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 49.

нативной функции оставило некоторый след и в современном русском языке: „*конь* — *лошадь* (преимущественно о самце); слово в этом значении большей частью употребляется в среде военных, в коннозаводческой практике, также в речи с оттенком торжественности, поэтичности“ (ССРЛЯ, 5, 1371).

Развитие всех четырех оттенков значения слова *конь*: родо-половой дифференциации, значения общего названия животного, качественной характеристики животного и стилистической окраски — происходило в результате взаимодействия слов *конь* и *лошадь* на территории их общего распространения.

Лошадь — древнерусское производное с помощью суффикса *-адь* (< *бдь*) от заимствованного из тюркских языков „лоша“. В таком виде слово сохранилось в украинском: *лоша* — „жеребенок“ и польском языках: *łosza* — „кобылица“ (Шанский, 187). „Русское *лошадь*, широко распространенное в южновеликорусских и средневеликорусских диалектах, образует как бы клин между северновеликорусской, белорусской и украинской территориями, где преобладают в общей функции формы от славянского *конь*“⁶.

Отмеченное русской письменностью впервые в начале XII в. (Срезн. 2,48) как общее название крупного домашнего подъяремного животного, слово *лошадь* сохранило свое первоначальное значение до нашего времени.

В МПРЛС эта лексема широко употребляется наряду со словом *конь* для названия животного, используемого в хозяйстве. В ЛС это слово отсутствует.

Появившись на древнерусской почве в начале XII века, слово *лошадь* не могло не оказать влияния на изменение значения и употребления слова *конь*. По наблюдениям П. Я. Черных⁷, *лошадь* отмечено в речи киевского князя Вл. Мономаха, произнесенной на совещании князей перед половецким походом в 1103 г.: „...начнетъ смердъ орати лошадыю тою (Пов. вр. лет по Лавр. списку под 1111 г., также под 1103 г.), в значении „плохая лошадь“, „кляча“, т.е., кроме общего названия животного, лексема *лошадь* употребляется с оттенком значения „плохая“, крестьянская (смердь), используемая в хозяйстве. Соответственно понятие хорошей лошади, лошади, пригодной и для военной службы, закрепляется за словом *конь*. Вл. Даль (2,155) указывает на различие названий по специфическому использованию животного: *кляча воду возитъ, лошадь пашетъ, конь подъ сѣдломъ*.

В связи с этим интересно проследить употребление слов *конь* и *лошадь* в памятнике. Из 33 словоупотреблений *конь* 22 раза оно использовано для названия животного, занятого в хозяйстве, напр.: *Кто бы кому коня или*

⁶ О. Н. Трубачев. Указан. раб., стр. 54.

⁷ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., изд. МГУ, 1956, стр. 44.

вола заложил безъ строку... (МПРЛС, 7, 29, 262)*, и 11 — для наименования животного, предназначенного для военной службы, напр.: ...на тѣхъ же бы конехъ... служили нашу воинскую службу... (МПРЛС, 2, 10, 66). В то же время все 25 словоупотреблений лексемы *лошадь* являются наименованиями животного, занятого в хозяйстве, напр.: *сверхъ лошади или вола свою лошадь или вола дать...* (МПРЛС, 13, 4, 386).

Качественная характеристика животного, выраженная в слове *конь*, фиксируется словарями XIX в. Ср.: „*конь* — лошадь, лошадь добрая, не кляча“ (Даль, 2, 155). По-видимому, именно качественная дифференциация явилась основой для стилистического оттенка торжественности, поэтичности, свойственного слову *конь*. Она же оказала влияние и на сферу употребления слова (военная среда и коннозаводство).

На основании исследуемого памятника нельзя говорить о стилистической окраске слова *конь* (очевидно, это объясняется стилем и назначением памятника: стиль деловой, содержание — свод законов), но можно сделать вывод, что уже в XVII в. для слова *конь* (при сохранении значения общего названия) характерно значение, отражающее специфическое использование животного.

В МПРЛС при перечислении цен на лошадей слово *конь* встречается рядом со словом *кобыла*: *За коня или за кобылу дикую — 3 рубли* (МПРЛС 10, 2, 290); *лошадь* же в перечислении отсутствует. Это свидетельствует о том, что *конь* употреблено здесь как номинативное обозначение видового по отношению к слову *лошадь* понятия (в данном случае лексема *конь* выступает в значении „самец“).

В то же время в плане выражения общего названия животного слова *конь* и *лошадь* являются синонимами. „Оба эти слова обозначают одно и то же понятие, но сфера их употребления различна. Лошадь может выступать как специальный зоологический термин“⁴.

Вероятно, наличие четырех оттенков значения у слова *конь* (что является потенциальной основой для развития его многозначности) не позволило этой лексеме стать зоологическим термином; эту функцию смогло выполнить однозначное слово *лошадь*.

Связь, существующая между синонимами *конь* и *лошадь*, очень тесная, о чем свидетельствует и тот факт, что во всех привлеченных к исследованию словарях одно слово всегда используется для толкования другого, и наоборот.

* Первая цифра обозначает статью, вторая — главу, третья — страницу.

⁴ В. Н. Ключева. Краткий словарь синонимов русского языка. М., Учпедгиз, 1961, стр. 114.

рот. Именно эта тесная семантическая связь способствует тому, что оба слова могут быть использованы как в военной среде (при доминирующем *конь*), так и в качестве общего названия животного в сельском хозяйстве (при доминирующем *лошадь*).

Происшедшая с течением времени терминологизация четко проявляет себя в существующих в языке сочетаниях названных слов с другими словами, где, несмотря на тесную синонимическую связь, замена *конь* — *лошадь* невозможна: *ломовая лошадь*, *лошадиная сила* — *конармия*.

В нетерминологической речи семантические отношения между словами *лошадь* и *конь* осмысляются иначе. Наряду с тесной синонимической связью, существующей между этими лексемами, определяются семантические сдвиги в слове *лошадь*. Грамматическая категория рода — женский для слова *лошадь* и мужской для слова *конь* — и употребление лексемы *конь* в значении „самец лошади“ обуславливают то, что слово *лошадь* используется в речи для названия самки животного, т.е. как синоним к слову *кобыла*. Таким образом, в нетерминологической речи слово *лошадь* антонимично противопоставляется слову *конь* по линии „самка — самец“.

Жеребец и **жеребенок** — общеславянские, образованные с помощью разных суффиксов от одного корня (Фасмер, 2, 48). *Жеребец* в значении „самец лошади“ отмечается памятниками русской письменности с конца XII в. (Срезн., I, 862). Лексема *жеребенок* (в ЛС — *жеребя*) в значении „детеныш лошади“ зафиксирована впервые на рубеже XIV–XV вв. (Срезн., I, 862). Оба слова на протяжении веков своих основных значений не изменили: в привлеченных к исследованию словарях они отмечаются регулярно с одним и тем же значением.

При сопоставлении ЛС с переводом-редакцией наблюдается одно несоответствие: там, где в МПРЛС употреблено слово *жеребенок*, в ЛС — *сверепя*. Ср.: *За мерина или жеребенка — две копы грошей* (МПРЛС, 13,5, 368). — *За коня або за сверепу...* (ЛС, 469), хотя в двух других случаях совпадение полное (различия фонетического порядка во внимание не принимаются): *жеребенок* — *жеребя*.

Слово *жеребенок* занимает особое место в рассматриваемой терминологической группе. В отличие от всех других наименований, оно обозначает название животного по возрасту (до года): „*Жеребенок* — лошадиный детеныш, на другое лето он одноленок, стригун, а там трехленок и идет в упряж“ (Даль, I, 534). Термин *жеребенок* — безразличное в половом отношении название животного. В этом своем общем значении *жеребенок* входит в семантическое поле „*лошадь*, *конь*“ как частное в общее, видовое в родовое.

Жеребец — полновозрастной самец лошади, производитель. Жеребцов, не пригодных для племенного использования, обязательно кастрируют; кастрированный жеребец называется *мерином*.

Меринь — заимствование из монгольского языка (*mörin, morin*), известное русскому языку в значении „холощенный жеребец“ с 1500 г. (Фасмер, 2, 604). Из русского языка слово *мерин* проникло в украинский, белорусский и польский (*mierzyn(ek)* с 1617 г. — Brückner, 334) языки.

В МПРЛС слово *меринь* отмечено 1 раз. В ЛС ему соответствует слово *конь*: *За мери́на или жеребенка — две копы грошей* (МПРЛС, 13, 5, 368). — *За коня́ або за свере́пу — две копы грошей* (ЛС, 469).

О том, что старобелорусскому языку было известно слово *меринь*, свидетельствует пример, приводимый З. А. Зяневич¹⁰: *рабочы конь — меринь*. Отмечается эта лексема и в этимологических словарях: *блр. меринь* (Преображенский, 1, 528); *блр. мерын* (Фасмер, 2, 604). Но, вероятно, в белорусском языке эта лексема имела временное распространение: слово *мерин* отсутствует в ЛС, оно не отмечается ни словарем Носовича, ни словарем современного белорусского языка. Любопытны в связи с этим данные РБС (253): *Мерин — конь*; *◇ врет, как сивый мерин разг. — хлусиць, як наняты; глуп как сивый мерин разг. — дурны, як бот*. Таким образом, в современном белорусском языке значение „кладеный конь, рабочий конь“ выражается словом *конь*.

В привлеченных к исследованию словарях русского языка XVI–XX вв. слово *мерин* толкуется как „холощенный жеребец“. Слово *мерин* является видовым, частным по отношению к более общему, родовому названию *жеребец*, которое в свою очередь выступает видовым по отношению к слову *конь* в значении „самец лошади“. Слова *жеребец* и *мерин* — наименования самца лошади, но, кроме того, они включают в себя семантическую дифференциацию „производитель — непроизводитель“ и являются терминами. *Конь* же — безразличное в этом отношении название самца и термином не является, что делает его общим, родовым названием по отношению к словам *жеребец* и *мерин*. Данное семантическое поле представляет собой микрополе внутри семантического поля „лошадь, конь“ („общее название животного“).

---

¹⁰ З. А. Зяневіч. Назвы хатніх жывёл ў старабеларускай пісьменнасці. — Сб. „Беларуская лексікалогія і этымалогія“ (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі па беларускай лексікалогіі і этымалогіі.) Мінск, 1968, стр. 57.

Существующие между рассмотренными выше словами смысловые отношения могут быть представлены схемой 1.

В современном белорусском языке для выражения понятия „самец лошади“ используется слово *жарабец*. В связи с тем, что в белорусском языке отсутствует слово *мерин* и единственное значение слова *конь* — общее название животного, членение семантического поля „*конь*“ будет иным (схема 2).

Схема 1.

Схема 2.

Смысловые отношения между этими словами как в русском, так и в белорусском языке — родовидовые; различие заключается в том, что в белорусском языке значение каждого из этих слов шире, менее дифференцировано.

Кобыла, кобылица. В определении этимологии слова *кобыла* мнения ученых расходятся (Фасмер, 2, 269). О. Н. Трубачев считает, что уже в праславянскую эпоху существуют названия *конь* и *кобыла*, обозначающие самца и самку. В значении „лошадь — самка“, сохранившемся до нашего времени, слово *кобыла* известно русской письменности с IX в.¹¹

В МПРЛС, так же, как и в ЛС, слово *кобыла* зафиксировано в сочетании со словом *дикая*: *За коня или кобылу дикую — 3 рубли* (МПРЛС, 10, 2, 290). — *За коня або за кобылу дикую...* (ЛС, 376).

Кобылица употреблено в МПРЛС 6 раз и соответствует в ЛС слову *сверепя*: *За трѣлтную кобылицу — две копы грошей* (МПРЛС, 13, 5, 368) — *За третяку сверепу...* (ЛС, 469).

Слово *кобылица* в значении „кобыла, самка лошади“ отмечается памятниками русской письменности с XIV в. (Срезн., 1, 1240). В этом значении оно фиксируется словарями XVIII—XX вв. В ССРЛЯ (5, 1085) указывается, что „кобылица — то же, что кобыла. Обычно в возвышенной, поэтической речи“. Но, очевидно, в момент возникновения слова *кобылица* между лексемами

¹¹ О. Н. Трубачев. Указан. раб., стр. 49, 52.

кобыла и кобылица существовало определенное различие, далеко не только стилистическое.

Существенной, на наш взгляд, является та дифференциация, которую проводит Даль (2, 127): „Кобыла — самка лошади, матка; кобылица — матка, для приплоду“. Можно предположить, что различие в значениях этих двух слов было таким же, как и существует между словами *конь* („самец“) и *жеребец*. Семантические отношения между ними были тоже родо-видовыми. В пользу такого предположения свидетельствуют некоторые наблюдения над текстом памятника. Ср.: *За коня или за кобылу дикую — 3 рубли* (МПРЛС, 10, 2, 290). — *За кобылицу — 4 копы грошей* (МПРЛС, 13, 1, 365), т.е. цена была различной. Кроме того, в МПРЛС отмечаются только такие противопоставления: *конь — кобыла* (см. выше) и *жеребец — кобылица*, напр.:... *тому жеребца или кобылицу вдвое платить* (МПРЛС, 13, 1, 365).

В ЛС слову *кобыла* русского текста соответствует *кобыла* (совр. блр. *кабыла* — БРС, 364), а слову *кобылица* в МПРЛС — *сверена* (современному белорусскому языку оно неизвестно: для названия молодой кобылицы используются слова *жаробка* и *жарабіца* — БРС, 266). Горбачевский (352), не вводя никаких параллелей для значения „кобылица“, отмечает слова *свирина* и *сверена* в значении „кобыла“. Вероятно, Горбачевским зафиксировано более позднее значение слов *свирина* и *сверена* (см. ниже). В пользу нашего предположения о том, что отношения между словами *кобыла* и *сверена* были родо-видовыми, свидетельствует следующее толкование: „свирина — кобыла заводская“¹², т.е. используемая для получения приплода (значение совпадает со значением слова *кобылица* по Далю). Слово *сверена* бытовало в старобелорусском языке, очевидно, под влиянием польского языка: *swierżera* — „кляча“ — в польском языке широко употреблялось в XV в. на всей территории, позднее у западных поляков (Brückner, 536).

По-видимому, лексема *свирина* (*сверена*) имела временное распространение на Северо-Западной языковой территории и впоследствии была вытеснена общеупотребительными, повсеместно распространенными словами *жарабіца*, *жаробка*.

Отмеченный в МПРЛС случай перевода слова *сверена* словом *жеребенокъ* (МПРЛС, 13, 5, 368) может быть объяснен либо одним из значений слова *сверена* (если предположить его многозначность), либо неточностью перевода, что вероятнее всего, ибо все остальные словоупотребления *сверены*

¹² Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Под ред. К. И. Яблонскиса. Минск, изд. АН БССР, 1960, стр. 246.

переводятся лексемой *кобылица*, а для русского *жеребенок* имеется прямое соответствие в ЛС — *жеребя* (совр. блр. *жарабя*).

Вероятно, семантические отношения между словами *сверена* и *кобыла* были аналогичны отношениям слов *кобылица* и *кобыла* в русском языке, т.е. отношениям вида к роду, частного к общему. В свою очередь наименование *кобыла* (блр. *кабыла*) является видовым по отношению к общим названиям *лошадь* и *конь* в русском языке и к *конь* в белорусском. С течением времени отношения между словами *кобыла* — *кобылица* в русском и *кобыла* — *сверена* в белорусском изменились в отличие от однотипных семантических отношений в антонимической им паре *конь* — *жеребец*.

Если в паре *конь* — *жеребец* родо-видовые отношения поддерживаются тем, что термин *жеребец* противопоставлен термину *мерин*, а *конь* является безразличным по признаку „производитель — непроизводитель“ названием животного и выступает общим наименованием для обоих слов, то в основе родо-видовых отношений в паре *кобыла* — *кобылица* лежал тот же признак, однако не существенный для противопоставления понятий. выраженных этими словами. Аналогичное явление было в старобелорусском языке. Неусловленность семантической дифференциации слов *кобыла* — *кобылица* (русск.), *кобыла* — *сверена* (блр.) определила дальнейшее развитие смысловых отношений между этими лексемами. Десемантизация суффикса *-иц-а* в слове *кобылица* привела к тому, что слова *кобыла* и *кобылица* в современном русском языке представляют собой лексические варианты, отличающиеся эмоциональной окраской, фиксируемой лишь в исследованиях последних лет. „В паре *кобыла* — *кобылица* слово с суффиксом *-иц-а* имеет более яркую эмоциональную окраску“¹³. С другой стороны, эмоциональная окраска слова *кобылица* и его стилистическое использование (*поэтич.*) приводят к тому, что за пределами терминологической речи значения слов *кобыла* и *кобылица* воспринимаются носителями русского языка противопоставленными по возрастной и качественной линии. Таким образом, семантические отношения между этими лексемами в нетерминологической речи осмысляются как родо-видовые, однако критерий противопоставления слов изменился.

Семантические отношения между словами *кобыла* и *конь* двусторонни: в плане выражения общего названия животного *конь* выступает как родовое, а *кобыла* как видовое, частное; в плане выражения родо-половой дифференциации это — антонимы. Однако отношения антонимии между словами имеют место только в сфере нетерминологической речи, для носителей которой

¹³ Р. П. Рогожникова. Варианты слов в русском языке. М., 1966, стр. 106.

важный в сельском хозяйстве признак „производитель — непроизводитель“ не является существенным. Это и является основой для антонимического противопоставления слов *конь* (не термин) — *кобыла* (термин). С другой стороны, это противопоставление обусловлено исторически, процессом терминологизации слов, выражающих родо-половую дифференциацию животных.

Семантические отношения, существовавшие в рассматриваемой группе слов ко времени написания ЛС и его перевода, могут быть представлены схемой 3¹⁴:

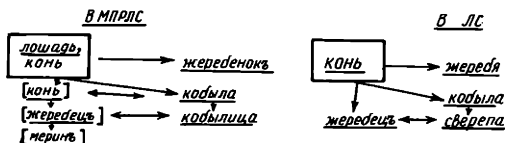

Схема 3.

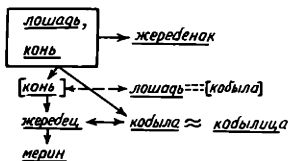
В процессе терминологизации слов лексема *кобылица* теряет свое самостоятельное значение (см. выше), а лексема *кобыла* становится термином для недифференцированного наименования самки лошади. Изменение семантической функции слова *кобылица* оказало влияние на перераспределение семантических связей внутри рассматриваемой лексико-семантической группы (см. схему 4).

В белорусском языке процесс терминологизации слов, называющих лошадей, происходил несколько иначе. Исчезновение из языка слова *свереп* повлекло за собой расширение значения слова *кабыла* (ср.: „кобы/ла — кабыла, ~ица — кабыла“ — РБС, 204) и вызвало к жизни слова *жарабица*, *жаробка* „молодая кобылица“ (БРС, 266). Лексема *кабыла* в белорусском языке, как и в русском *кобыла*, становится термином, антонимичным термину *жарабец*. В белорусском языке значение слова *кабыла* уже русского слова: для выражения понятия „молодая кобылица“ существует слово *жарабица*. В процессе терминологизации в белорусском языке изменился принцип членения понятия „самка лошади“: если раньше дифференциация проходила по линии „производитель — непроизводитель“, то в современном литературном белорусском языке она проходит по возрастной линии (т.е. то, что имеет место в русском языке за пределами терминологической речи).

¹⁴ Нами приняты обозначения: (↓ →) — родо-видовые отношения; (↔) — антонимия; (≈) — вариантность; (-----→) — отношения на уровне нетерминологической речи.

Семантические отношения, существующие между рассматриваемыми словами на современном этапе развития русского и белорусского языков, могут быть представлены схемой 4.

В современном русском языке

В современном белорусском языке

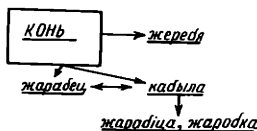

Схема 4.

В ы в о д ы

Наблюдения над лексико-семантической группой слов, объединенных значением „лошадь, конь“, позволяют сделать некоторые выводы.

1. Уже к XVII в. русский и белорусский языки обладали своей специфической системой средств для выражения рассмотренных выше понятий.

2. Большая часть слов, общеславянских по происхождению, — достояние словарного состава как русского, так и белорусского языков. Наряду с этим, в русском языке есть заимствования (*лошадь, мерин*), которые неизвестны современному белорусскому литературному языку.

3. В терминологии двух близкородственных языков наблюдается количественное (в русском — 7, в белорусском — 5 терминов) и качественное различие.

Качественное различие проявляется в различном звуковом оформлении слов (*свереп* — *кобылица*), в несовпадении объемов значений слов, что непосредственно связано с количественным различием. Белорусское *конь* шире русского *конь* (ибо значение общего названия животного является основным и единственным для белорусского слова и второстепенным для русского). Различен в языках объем значений слов *жеребец* и *жарабец*. Это объясняется тем, что для выражения понятия „самец лошади“ в белорусском языке известно одно слово, а в русском — три (*конь, жеребец, мерин*). Русское *жеребец* конкретнее, уже, чем белорусское *жарабец*. Значение „самка лошади“ в русском языке выражено одним словом — *кобыла*, а в белорусском — двумя: *кабыла* и *жарабіца*, т.е. русское слово абстрактнее, шире по своему значению, чем белорусское.

4. Процесс терминологизации происходил в каждом языке по-своему (см. слова *кобыла, кобылица* и *свереп*). Отличаются и смысловые связи,

существующие между словами в обоих языках (см. схемы). Семантические отношения на уровне терминологической речи и за ее пределами не совпадают.

5. Семантическое поле „лошадь, конь“ членится на соответствующее количеству видовых понятий число микрополей. Таким образом, количество микрополей для русского и белорусского языков в данном случае не совпадает, т.е. членение основных понятий различно даже в таких близкородственных языках, как русский и белорусский.

6. Наименования лошадей, отмеченные в ЛС и МПРЛС, в общем совпадают с современными. При всей устойчивости этих названий обнаруживаются некоторые лексико-семантические изменения. Однако в связи с тем, что большинство рассмотренных слов с момента своего возникновения закрепились в языке как термины, эти изменения носят частный характер. В каждом конкретном языке они направлены на формирование своей национальной терминологии.

Список сокращений

БРС	– Белорусско-русский словарь. М., Госиздат иностр. и нац. словарей, 1962.
Горбачевский	– Н. Горбачевский. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. Вильна, 1874.
ДА	– Дзялекталогічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1965.
Даль	– Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I–IV. М., Госиздат иностр. и нац. словарей, 1955.
Носович	– И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	– Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Преображенский	– А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, тт. 1–2. М., ГИС, 1959.
РБС	– Русско-белорусский словарь. М., ГИС, 1953.
Сл. Ричарда Джемса	– Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., Изд-во ЛГУ, 1959.
Сл. 1763 г.	– Словарь на шести языках, российскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, немецкомъ, английскомъ в пользу учащегося Российского юношества. СПб., 1763.
ССРЛЯ	– Словарь современного русского литературного языка, тт. I–17, М.–Л., Изд-во АН СССР, 1948–1965.
Срезн.	– И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, тт. I–III. СПб., Изд-во ОРЯС, 1893–1912.
Фасмер	– М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, тт. I–II. М., Изд-во „Прогресс“, 1967.
Чудинов	– А. Н. Чудинов. Справочный словарь. Орфографический, Этимологический и Толковый русского литературного языка, тт. 1–2, СПб., 1901.

Шанский	— Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., Учпедгиз, 1961.
Янкоўск	— Ф. М. Янкоўскі, Дыялекты слоўнік. Вып. I, Мінск, 1959; вып. 2, Мінск, 1960.
Brückner	— A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, Wiedza Powszechna, 1970.

ON THE HISTORY OF WORDS MEANING "A HORSE" IN THE RUSSIAN AND BYELORUSSIAN LANGUAGES

L. ARONAITĖ

Summary

The following article deals with the investigations of lexico-semantic group of words meaning "a horse" in the Russian and Byelorussian languages. On the basis of the Moscow-translated edition of the Lithuanian Statute, the Lithuanian Statute and Russian, Byelorussian and Polish dictionaries the terminological process of the two closely related languages is being investigated.

In the early 17th century the Russian and Byelorussian languages possessed specific systems of means to express the concept of "a horse". The majority of words, slavonic by origin, is the property both of the Russian and Byelorussian languages. Nevertheless, one can notice differences in quality and quantity. The differences in quantity are noticed in non-coincidence of the volume of the meanings (the Byelorussian „*конь*“ has a wider meaning than the Russian „*конь*“, the Byelorussian „*кабыла*“ has a narrower meaning than the Russian „*кобыла*“). The semantic links of these lexemes in both languages differ as well.

The terminological specifics are expressed in different distribution of the analysed lexics on the level of the terminologic and nonterminologic speech.

In the process of the historical development of the words meaning "a horse" certain semantic glides took place inside the analysed lexico-semantic group, they were caused by the appearance or disappearance of a separate word or its meaning. Such lexico-semantic changes in each concrete language are directed towards the forming of national terminology.